

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ПРОЧИТАЙТЕ
И РАССКАЖИТЕ МНЕ,
ЧТО, ПО-ВАШЕМУ,
ПРОИЗОШЛО
НА САМОМ ДЕЛЕ

18+

ELIANA GALAXY

Элиана Гэлэкси

Человек, Которого Не Было

«Автор»

2026

Гэлэкси Э.

Человек, Которого Не Было / Э. Гэлэкси — «Автор», 2026

Она никогда не видела его лица. Никогда не слышала его настоящего голоса. И всё же знала его настолько хорошо, что могла представить, как он посмотрит на неё, что скажет и когда рассмеётся. Всё началось с обычного сообщения в социальной сети. Потом появились ежедневные разговоры. Цветы. Подарки. Обещания встречи. И Лейла — реальная женщина, которая знала Александра и сама стала частью жизни Анны. Только одна деталь никак не складывалась. Чем ближе Анна подходила к человеку, которого любила, тем меньше понимала, существует ли он вообще. Психологическая новелла, основанная на реальной истории. За персонажами стоят реальные люди. Они живут и работают в Москве и сегодня. Имена и некоторые обстоятельства изменены, но сама загадка осталась той же. У автора есть своя версия произошедшего. Но окончательного ответа нет до сих пор. Кто на самом деле был по другую сторону экрана? Прочитайте эту историю до конца и попробуйте разгадать её вместе со мной. Возможно, вы увидите то, чего не увидела я.

© Гэлэкси Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	12
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	18
ГЛАВА 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элиана Гэлэкси Человек, Которого Не Было

ОТ АВТОРА

Эта книга основана на реальной истории.

Почти всё, что вы прочитаете дальше, действительно произошло. В реальности эта история была гораздо больше, чем смог вместить роман. В неё оказалось вовлечено больше людей, было больше событий, совпадений, вопросов и деталей — часть из них я сознательно оставила за пределами книги.

События происходили в Москве. И, возможно, именно поэтому мне особенно интересно, как эту историю прочитает русский читатель — человек, которому знакомы эти улицы, этот город и эта реальность.

Некоторые имена и детали изменены, отдельные события объединены или художественно переработаны. Но в основе истории — реальные люди, реальные отношения и реальные события.

Когда всё закончилось, у меня осталось гораздо больше вопросов, чем ответов.

Возможно, после этой книги они останутся и у вас.

ГЛАВА 1

Сообщение

Я никогда не встречалась с Александром лично.

Теперь, когда я знаю всё, что знаю, кажется, что именно с этого и следовало бы начать. Но тогда в этом не было ничего особенно тревожного. Люди каждый день знакомятся в интернете, разговаривают с незнакомцами, понемногу рассказывают о себе, начинают интересоваться друг другом. Большинство таких разговоров заканчиваются так же незаметно, как начинаются.

Я думала, наш будет одним из них.

Его сообщение появилось однажды днём в моих личных сообщениях в социальной сети. К тому времени я уже вернулась в родную страну и пыталась заново устроить свою жизнь. Я даже не помню, что именно он написал, и, пожалуй, это лучше всего показывает, насколько обычным всё тогда казалось. Его профиль был почти пуст: ни фотографии, ни внятной информации о себе — ничего, что могло бы подсказать, что уже через неделю человек за этим аккаунтом станет частью моей повседневной жизни.

Он сказал, что его зовут Александр.

Отношений я не искала. В моей жизни и без того хватало неопределённости. После развода я оказалась в странном промежутке: прежняя жизнь уже закончилась, а следующая ещё толком не началась. Нужно было разбираться с делами, принимать решения, привыкать к тому, что теперь многое будет иначе. Загадочный мужчина из интернета совершенно не входил в мои планы.

И всё же я ответила.

С Александром было легко разговаривать. Возможно, потому, что он словно не пытался мне понравиться. Не осыпал комплиментами, не торопил близость, не просил фотографий и не сводил разговор к сексу. Если я отвечала не сразу, он ждал. Если меняла тему, не пытался вернуть меня к прежней.

Почему-то именно эту сдержанность я приняла за открытость. Сейчас в этом противоречии трудно не увидеть странности, но тогда моя логика была простой: люди, которые хотят тебя обмануть, обычно слишком стараются. Давят, убеждают, продают тебе какую-то версию себя.

Александр ничего мне не продавал.

Первые несколько дней мы говорили о самых обычных вещах. Я почти ничего о себе ему не рассказывала — во всяком случае, была в этом уверена. В интернете я всегда старалась быть осторожной. Я знала, как легко люди приукрашивают должность, доходы, семейное положение, а иногда придумывают себе даже имя. У меня не было никаких причин считать Александра исключением.

А потом посреди совершенно ничем не примечательного разговора он сообщил, что работает в спецслужбе.

Я рассмеялась.

Это звучало настолько нелепо, что после такого заявления разговор, по всем правилам, следовало закончить, а не заинтересоваться ещё сильнее. Настоящий сотрудник спецслужбы, подумала я, вряд ли станет сообщать об этом женщине, с которой только что познакомился в интернете.

Я ему так и сказала.

Александр не стал спорить. Вообще, он редко защищал свои утверждения. Не убеждал меня и не приводил доказательств, если я их не просила. Просто говорил что-то и оставлял мне самой решать, верить ему или нет.

Но через несколько минут он прислал скриншот.

Сначала я не поняла, на что смотрю. Потом увидела своё полное имя.

Ниже было название места, где я работала много лет назад, и старый адрес — тот, которым я давно не пользовалась и о котором почти забыла.

Я перечитала всё сначала.

До этого момента вопрос, врёт Александр или нет, решался легко. Конечно, врёт. Или шутит. Оба объяснения были простыми и принадлежали понятному мне миру.

Скриншот всё усложнил.

Он, конечно, ничего не доказывал. Я прекрасно понимала, что существуют десятки способов найти информацию о человеке в интернете, особенно если тот жил в нескольких странах и за много лет успел оставить обычный цифровой след. Но в тот момент, сидя с телефоном в руке, я почему-то не думала ни о базах данных, ни о поисковиках, ни о сервисах, которые собирают сведения о людях.

Я смотрела на старый адрес и пыталась вспомнить, где вообще могла когда-то оставить его в открытом доступе.

И всё время возвращалась к одной мысли: как он это нашёл?

Самое странное — я его не спросила.

Сейчас мне трудно объяснить почему. Казалось бы, это должен был быть первый вопрос. Но вместо того чтобы задать его, я ждала, что Александр сам объяснит, откуда у него эта информация.

Он не объяснил.

Разговор продолжился, словно ничего не произошло.

И это насторожило меня сильнее самого скриншота. Александр только что показал мне нечто, что должно было изменить моё представление о нём, а теперь совершенно спокойно говорил о другом. Он не требовал, чтобы я ему поверила, не спрашивал, впечатлена ли я, и больше вообще не возвращался к этой теме.

Мне самой пришлось решать, что всё это значит.

Через какое-то время он почти между делом написал:

«Не переживай. Я не представляю для тебя угрозы».

Я улыбнулась. Странная фраза. Люди, от которых не исходит угрозы, обычно не считают нужным это уточнять.

Я могла закончить разговор уже тогда. Причин было более чем достаточно. Я не знала его настоящего имени. Не знала, как он выглядит. Не могла проверить ничего из того, что он рассказывал о себе. Зато он каким-то образом получил сведения обо мне, которых я ему не сообщала.

Разумнее всего было бы заблокировать его.

Но вместо страха я чувствовала другое. Мне хотелось понять, как он это сделал.

А следом возник вопрос, который оказался гораздо сильнее первого.

Кто он?

Именно этот вопрос меня и удержал.

Я ещё не знала, какой дорогой может оказаться цена ответа.

ГЛАВА 2

Первый подарок

Цветы приехали через несколько дней.

Я ничего не ждала, поэтому, когда утром мне позвонили снизу, сначала решила, что курьер ошибся квартирой. Потом услышала своё имя.

Букет оказался совсем не таким, какого можно было ожидать от мужчины, пытающегося впечатлить женщину. Никаких огромных роз, сложной упаковки, ничего нарочито эффектного, словно рассчитанного на фотографию. Цветы были красивыми, сдержанными — и от этого почему-то казались более личными.

На маленькой карточке стояло моё имя.

Я осталась в прихожей с букетом в руках, пытаюсь понять, как Александр сумел его отправить.

После того скриншота я уже знала, что он способен находить информацию обо мне. Но одно дело — увидеть на экране старый адрес, и совсем другое — открыть дверь курьеру, который приехал по адресу нынешнему.

Я написала:

«У тебя не было моего адреса».

Он ответил чуть позже:

«Я могу найти то, что мне нужно».

Я перечитала фразу дважды.

Её можно было понять по-разному. Как шутку, почти флирт. Или как фразу, после которой стоило насторожиться.

С Александром я постепенно привыкала к тому, что оба смысла вполне могут существовать одновременно.

Я спросила, как он меня нашёл, но внятного ответа не получила. Разговор ушёл в сторону, и я почему-то позволила ему уйти.

Среди сведений, которые Александр каким-то образом обо мне раздобыл, была и дата рождения. Значит, к тому моменту он знал мой настоящий возраст.

Однажды я сама заговорила об этом. Он был моложе, и мне стало интересно, смущает ли его разница.

«Это не имеет значения», — написал он.

Ни неловкой паузы, ни шутки про женщин постарше, ни попытки превратить разницу в возрасте во что-то пикантное. Для него это был просто ещё один факт обо мне.

Мне понравилось это больше, чем я ожидала.

Наверное, потому, что рядом с ним мне всё реже приходилось объяснять себя. Александр уже знал обо мне больше, чем я сама успела ему рассказать, и постепенно это переставало ощущаться как вторжение. Каким-то странным образом возникало другое чувство: будто меня видят и принимают такой, какая я есть.

Через несколько дней после цветов Александр спросил, не хочу ли я пойти с ним в театр.

«Я хочу тебя увидеть».

Я задержала взгляд на сообщении.

До сих пор Александр существовал только в телефоне. Я читала его слова, привыкала к тому, как он отвечает, уже могла представить, что его рассмешит, а что заставит замолчать. Иногда, открывая сообщение, я даже заранее слышала в голове интонацию — хотя настоящего его голоса никогда не слышала.

Встреча должна была всё изменить.

У него наконец появилось бы лицо, голос, манера двигаться. Я смогла бы сравнить мужчину, которого постепенно создавало моё воображение, с человеком, который существовал на самом деле.

Мы выбрали спектакль и дату.

После театра Александр предложил поужинать в ресторане с видом на город. Мы шутили о том, что мне надеть, и я поймала себя на том, что предвкушение нравится мне сильнее, чем хотелось признавать.

А когда пришли билеты, произошло ещё кое-что.

До этого всё, что было связано с Александром, помещалось в телефоне: сообщения, скриншот, наши разговоры. Теперь передо мной был билет с датой, временем и местом. Что-то из нашего общения впервые получило точку на карте и конкретный час.

Я стала ждать встречи.

В день спектакля я собиралась дольше, чем рассчитывала. Несколько раз переоделась и каждый раз убеждала себя, что вовсе не пытаюсь произвести на него впечатление. Мне просто хотелось наконец увидеть человека, который за несколько недель успел вызвать во мне столько вопросов.

Утром Александр написал. Сначала всё было как обычно, потом он исчез на несколько часов.

Наконец экран загорелся.

«Мне нужно уехать. На работе случилось что-то срочное».

Разочарование пришло раньше, чем я успела подумать.

«Сегодня?»

«Знаю. Прости».

Я ждала, что он предложит другой вечер.

Вместо этого пришло новое сообщение:

«Там тебя встретит моя подруга. Ты не останешься одна».

Я нахмурилась.

«Твоя подруга?»

«Её зовут Лейла. Она знает о тебе».

Такого поворота я точно не ожидала.

Первым желанием было остаться дома. Идти в театр с женщиной, которую я никогда не видела, потому что всё устроил мужчина, которого я тоже никогда не видела, — даже по меркам последних недель звучало довольно абсурдно.

Но билеты были у меня. Я уже оделась. А Александр говорил так, словно речь шла всего лишь о небольшом изменении планов, а не о сорвавшемся первом свидании.

«Иди, — написал он. — Она тебе понравится».

Я ещё немного посмотрела на экран, взяла сумку и вышла из дома.

Я пошла

ГЛАВА 3

Женщина

Я увидела Лейлу раньше, чем она меня.

Она стояла у входа в метро и смотрела на выходящих людей. Я понятия не имела, как должна выглядеть подруга Александра, и на секунду подумала, не написать ли ему и не спросить.

Потом женщина посмотрела прямо на меня и улыбнулась.

— Анна?

— Да.

— Я Лейла.

С ней сразу оказалось легко. Не было неловкости первых минут, когда непонятно, пожать человеку руку, обнять его или просто улыбнуться. Через минуту мы уже шли к театру и разговаривали так, словно в обстоятельствах нашего знакомства не было ничего необычного.

— Я рада, что ты всё-таки пришла, — сказала Лейла. — Он очень хотел быть здесь.

То, как буднично она заговорила об Александре, неожиданно на меня подействовало.

До этого всё, что я знала о нём, исходило от него самого. Теперь о нём говорил другой человек — человек, который знал его независимо от меня. Впервые у Александра появилась связь с реальным миром, существовавшим за пределами моего телефона.

По дороге мы говорили о простых вещах. Лейла рассказала, что работает врачом, хотя говорила об этом без всякой значительности. Спрашивала о моей работе, жаловалась на погоду, показала кафе, куда часто заходила.

Недалеко от театра мы прошли мимо небольшой фруктовой лавки. У входа были аккуратно сложены манго — жёлто-красные, спелые на вид.

— Какие красивые, — сказала я, замедлив шаг. — Обожаю манго.

Лейла тоже посмотрела на них.

— Правда?

— Особенно если спелые. Могу съесть сколько угодно.

Она рассмеялась, и мы пошли дальше.

Через некоторое время я спросила, давно ли она знает Александра.

Лейла улыбнулась.

— Достаточно давно.

— Что значит «достаточно»?

— Что я успела понять: он сложный человек.

— Это я уже заметила.

Она рассмеялась.

— Но хороший.

В её голосе слышалась привязанность, хотя я не могла понять, какого рода. Мне хотелось расспросить её подробнее и одновременно не показать, насколько сильно меня интересует Александр.

— Вы были вместе? — спросила я наконец.

Лейла посмотрела на меня с удивлением, а потом снова рассмеялась.

— Нет. Никогда.

Ответ прозвучал легко и совершенно естественно.

— Просто давно дружим. Я знаю его семью.

Это заинтересовало меня ещё больше.

— И какая у него семья?

— Хорошая. Очень образованная. Мама — кардиолог. Отец тоже серьёзный человек. Александр очень к ним привязан, хотя сам в этом никогда не признается.

Я слушала и чувствовала, как человек, до сих пор состоявший почти исключительно из сообщений, начинает понемногу обрастать подробностями. У него была мать. Отец. Семья, которую знала женщина, идущая сейчас рядом со мной.

Лейла рассказывала об Александре без загадочности. Иногда с раздражением, иногда с теплом. Она знала его привычки, могла вспомнить смешную историю, жаловалась, что он способен пропасть на несколько дней, а потом появиться как ни в чём не бывало.

И чем обычнее звучали её рассказы, тем реальнее становился он сам.

В театре наши места оказались рядом.

Перед началом спектакля Лейла убрала телефон в сумку, потом вдруг посмотрела на меня и улыбнулась.

— Теперь понимаю.

— Что?

— Почему ты ему понравилась.

Я почувствовала, что улыбаюсь в ответ.

— И почему?

Она чуть пожала плечами.

— Спроси у него.

Погас свет.

На сцене начался спектакль, но первые несколько минут я почти не следила за происходящим.

Я думала об Александре.

После спектакля мы ещё долго разговаривали. К тому времени, когда мы вышли из театра, я уже знала о Лейле достаточно, чтобы она перестала ощущаться совершенно незнакомым человеком. Она была умной, смешной, временами резкой, но рядом с ней не приходилось подбирать слова.

У метро мы обнялись.

— Увидимся ещё, — сказала она.

Это прозвучало не вопросом.

По дороге домой Александр написал:

«Ну?»

Я улыбнулась.

«Она мне понравилась».

Ответ пришёл почти сразу.

«Я знал».

Я смотрела на эти два слова и думала о том, что вечер, который должен был наконец сделать Александра реальным, закончился совсем иначе.

Вместо него я встретила человека, который его знал

ГЛАВА 4

Лейла

Через несколько дней после театра Лейла приехала ко мне домой.

Я уже не помню, кто из нас это предложил. Мы успели немного попереписываться, и необычные обстоятельства знакомства постепенно потеряли значение. Лейла мне нравилась — умная, лёгкая в общении, с той спокойной уверенностью, рядом с которой и сам невольно расслабляешься.

Она приехала ближе к вечеру с двумя бумажными пакетами.

— Я кое-что тебе привезла.

В одном лежали манго — спелые, жёлто-красные, похожие на те, возле которых мы остановились по дороге в театр.

Я рассмеялась.

— Ты запомнила?

— Я внимательная.

Она сказала это совершенно буднично и начала доставать манго из пакета. От них уже пахло сладко, хотя мы ещё даже не разрезали ни одного.

Во втором пакете оказался десерт из хорошей кондитерской. Ничего особенного или дорогого — просто снова удивительно точный выбор.

Я заварила чай, и мы сели на кухне.

Здесь Лейла казалась немного другой. В театре она была прежде всего подругой Александра, человеком из его непонятного мне мира. Теперь она сидела напротив меня, грела ладони о чашку и постепенно становилась просто женщиной, с которой мне хотелось дружить.

Мы проговорили несколько часов.

Она больше рассказала о работе и о ковидном отделении, где провела самые тяжёлые месяцы пандемии. В её историях не было ничего героического. Она вспоминала прежде всего усталость: бесконечные смены, маски, натиравшие кожу, родственников, которые ждали новостей, и моменты, когда она не знала, как эти новости сообщить.

Однажды утром один из пациентов казался стабильным, а к вечеру его не стало.

— Его жена всё звонила и спрашивала, дышит ли он ещё, — сказала Лейла.

Она ненадолго замолчала и провела пальцем по краю чашки.

— Её голос я помню лучше, чем его самого.

Она не ждала от меня ни сочувствия, ни восхищения. Просто рассказывала о том, что когда-то было частью её обычного рабочего дня, и от этой сдержанности её истории действовали ещё сильнее.

Наверное, сама профессия врача тоже влияла на моё отношение к ней. Мне всегда казалось, что врачи умеют сохранять спокойствие именно тогда, когда остальные его теряют. И чем дольше я слушала Лейлу, тем естественнее приписывала эту внутреннюю устойчивость ей самой.

Позже разговор перешёл к семье.

Сначала Лейла говорила осторожно, потом рассказала, что родители когда-то хотели выдать её замуж за мужчину, которого считали подходящим.

— А ты его не любила?

— Нет.

Она опустила глаза в чашку.

— Они считали, что этому я научусь потом.

Я улыбнулась.

— Научилась?

— Нет.

Она произнесла это спокойно, почти без выражения, но я почувствовала, что за одним коротким ответом осталось гораздо больше, и не стала расспрашивать.

Лейла говорила о семье, о давлении, в котором выросла, об ожиданиях, казавшихся совершенно естественными, пока она не стала достаточно взрослой, чтобы спросить себя, действительно ли хочет жить именно так.

— Иногда семья решает, какой должна быть твоя жизнь, ещё до того, как ты понимаешь, что вообще имеешь право решать сама.

Я понимала, о чём она говорит. Мне тоже случалось оглядываться на собственную жизнь и задаваться вопросом, все ли решения в ней действительно были моими.

Наверное, именно тогда между нами впервые возникло что-то большее, чем просто лёгкая симпатия.

Об Александре мы заговорили позже, почти случайно.

— Он не слишком легко доверяет людям, — сказала Лейла.

— Я заметила.

— Его семья такая же.

Я посмотрела на неё.

— Ты знаешь его семью?

— Некоторых.

Она рассказала, что отец Александра занимал высокий пост, связанный то ли с военными, то ли с государственными структурами. Подробностей почти не было, но я уже привыкла, что всё, связанное с Александром, имеет размытые края.

— А мать?

— Очень его опекает.

— Братья? Сёстры?

— И те, и другие.

Постепенно за обрывочными рассказами Александра начала проступать семья. Лейла знала какие-то мелочи — характеры, привычки, старые конфликты. В её рассказах не было ничего эффектного или нарочито загадочного. Наоборот, всё звучало слишком обыденно, чтобы казаться придуманным.

— И как ты вообще познакомилась со всеми этими людьми? — спросила я.

— Друзья из университета. Знакомишься с одним человеком, потом с другим. Москва меньше, чем кажется.

Ответ был вполне разумным.

Но ещё убедительнее была сама Лейла. У неё была работа, коллеги, семья, прошлое — жизнь, никак от Александра не зависевшая. Она сидела напротив меня на моей кухне, пила чай и рассказывала о людях, которые его знали.

Когда Лейла наконец собралась домой, за окнами уже было темно.

В прихожей она задержалась, застёгивая пальто.

— Тебе надо быть осторожнее, Анна.

— С Александром?

Лейла улыбнулась.

— С людьми.

Я рассмеялась.

— Странно слышать это после того, как я впустила тебя в дом.

— Знаю.

Она обняла меня на прощание — коротко, тепло, совершенно по-дружески. От её волос едва уловимо пахло чем-то свежим и сладковатым, и через секунду она уже отстранилась.

Я закрыла за ней дверь и вернулась на кухню.

Её чашка осталась на столе рядом с открытой коробкой десерта. На столешнице лежали манго

ГЛАВА 5

Мужчина, который всегда был рядом

Александр стал частью моих дней раньше, чем я заметила, что это превратилось в привычку.

Утром я тянулась к телефону и почти всегда находила сообщение. Чаще всего обычное *«Доброе утро»*, иногда — эмодзи или отсылку к тому, о чём мы говорили накануне. Если сообщения не было, я замечала это сразу.

Днём он появлялся ненавязчиво и никогда не требовал постоянного внимания. Помнил о встречах, которые я упоминала вскользь, и потом спрашивал, как они прошли. Знал, когда плохо чувствует себя моя мама, когда я не выспалась, когда была настолько занята, что забывала поесть.

Я не привыкла, чтобы кто-то так внимательно следил за мелочами моей жизни. Постепенно я и сама начала рассказывать ему больше — не потому, что он расспрашивал, а потому, что привыкла к его присутствию. Иногда в течение дня происходило что-нибудь совсем незначительное, и я уже знала: вечером расскажу Александру.

Однажды утром мы с мамой поссорились. Ничего серьёзного — одна из тех ссор, которые случаются, когда два человека устали и слишком хорошо знают, чем можно задеть друг друга.

Я стояла на кухне у окна и ждала, пока закипит чайник, когда телефон завибрировал.

«Ты в порядке?»

Я посмотрела на экран.

Я ничего ему не рассказывала.

«Почему ты спрашиваешь?»

Индикатор набора появился, исчез, потом появился снова.

«Просто почувствовал».

Я перечитала ответ.

Конечно, это могло быть совпадением. Он мог написать то же самое в любое другое утро, и я не придавала бы этому значения. Но именно сегодня, через несколько минут после ссоры, два слова на экране прозвучали почти как доказательство какой-то невидимой связи между нами.

Такой ответ легко принять за романтический, если очень хочется.

Мне хотелось.

При этом Александр мог быть удивительно близким, а потом внезапно исчезнуть. Иногда на день, иногда на два. Первое время я замечала его отсутствие, но старалась не придавать ему значения. Потом начинала ждать.

Возвращался он всегда спокойно, словно никакой паузы не было.

Работа. Поездка. Срочное дело, о котором нельзя говорить.

Я довольно быстро поняла, что подробностей не будет.

Его работа вообще состояла из обрывков: встречи, внезапные перелёты, другие страны, люди, чьи имена он не мог назвать. Если я задавала прямой вопрос, Александр отвечал ровно настолько, чтобы ответ не разрушал общей картины, но и ничего толком не объяснял.

Однажды поздно ночью он заговорил об отце.

По словам Александра, тот занимал очень высокий пост — из тех людей, при появлении которых остальные встают. Расти рядом с таким отцом было непросто.

«Для него я всё равно никогда не был достаточно хороши».

Это был один из редких моментов, когда Александр показался мне не собранным и уверенным, а уязвимым.

Я спросила, что он имеет в виду.

Ответа не было.

Он исчез почти на два дня.

За эти два дня я думала о нём чаще, чем хотела себе признаться. И всё больше замечала, что начинаю заполнять пробелы сама.

Я не знала, как Александр выглядит, когда устал. Не знала, ходит ли по комнате во время телефонного разговора, хмурится ли, когда сосредоточен, улыбается ли, читая мои сообщения.

Я даже не знала, как звучит его голос.

Голосовых сообщений своим настоящим голосом он не присылал никогда. Иногда отправлял музыку или какие-то аудиозаписи, но стоило мне поддразнить его и попросить наконец со мной заговорить, как находилась причина этого не делать.

Поначалу это казалось странным. Потом почему-то перестало.

Недостающий голос я придумала сама. Читая его сообщения, уже слышала интонацию — спокойную, чуть насмешливую, иногда мягкую. Я знала, где он сделал бы паузу, где усмехнулся бы, как произнёс бы моё имя.

Разумеется, я не могла знать ничего из этого.

Но голос в моей голове становился всё отчётливее.

Вскоре после этого я попала в больницу на плановую операцию.

Врачи называли её простой, что нисколько не уменьшало моего волнения. Я никогда не любила больницы, и никакие медицинские заверения не помогают в тот момент, когда тебе надевают на запястье браслет и говорят ждать.

Александр знал, что я там.

Он писал с самого утра.

«Ты проснулась?»

Чуть позже:

«Что сказал врач?»

Потом:

«Не бойся. Я рядом».

Он писал весь день, иногда раньше, чем я успевала ответить на предыдущее сообщение. И в тот момент мужчина, находившийся неизвестно где, действительно ощущался ближе некоторых людей, которые физически были рядом.

Потом Александр сообщил, что попросил Лейлу приехать в больницу.

Я отказалась сразу.

«Почему?»

«Потому что я не хочу, чтобы Лейла приезжала».

Его это не устроило.

Он писал, что Лейла может помочь, что она врач. Оказалось, он ещё и проконсультировался по поводу моей операции с другим доктором, которому доверял. Ему хотелось, чтобы рядом со мной находился человек, способный понять, что происходит, и убедиться, что всё делают правильно.

Я понимала, что за этим стоит забота. Но её становилось слишком много.

«Александр, ко мне приедет близкая подруга. Она знает меня много лет. Мне этого достаточно».

Ответ пришёл почти сразу.

«А Лейла тебе недостаточно близка?»

Я перечитала вопрос.

«Мы с ней хорошо общаемся. Но я не хочу, чтобы она видела меня сейчас такой. Мы не настолько близки».

На этот раз он молчал дольше.

Потом написал:

«Понятно».

Одно слово, но я сразу почувствовала, как изменился тон.

«Что понятно?»

«Ничего».

«Тогда зачем ты так реагируешь?»

«Потому что ты всегда отталкиваешь людей, когда становишься уязвимой».

Я разозлилась.

«Я никого не отталкиваю. Я только сказала, кого хочу видеть после операции».

«Как хочешь».

И именно это спокойное «как хочешь» прозвучало холоднее, чем если бы он продолжил спорить.

Меня задело не то, что Александр хотел обо мне позаботиться. Я не понимала, почему мой отказ увидеться именно с Лейлой оказался для него настолько важен.

Отвечать я перестала.

Он продолжал писать вечером и снова утром. Я демонстративно игнорировала сообщения и при этом постоянно проверяла телефон — не появилось ли новое.

Это раздражало меня сильнее самой ссоры.

На следующий день после возвращения домой позвонил курьер.

В небольшой чёрной коробке лежал тонкий золотой кулон с голубым топазом.

Открытки не было.

Она и не требовалась.

Через несколько минут написал Александр:

«Не сердись на меня».

Я сидела за кухонным столом, перекатывая кулон на ладони.

Он не раз говорил, что синий — его любимый цвет. Я и сама незаметно стала чаще замечать синий: в одежде, интерьерах, каких-то случайных вещах, на которые раньше не обратила бы внимания.

Вечером я надела кулон и задержалась перед зеркалом. Голубой камень лежал у основания шеи, и я коснулась его пальцами.

Странно было носить украшение, выбранное мужчиной, голоса которого я никогда не слышала.

Но ещё страннее было то, что меня это почти перестало беспокоить.

Александр уже занял место в самых обычных частях моей жизни, ни разу физически в неё не войдя. Он знал, какой кофе я пью, когда у меня, скорее всего, заболит голова, как меняется моё настроение после разговора с мамой. Иногда спрашивал, всё ли в порядке, прежде чем я успевала кому-нибудь рассказать, что что-то случилось.

И всё же время от времени возвращалась одна мысль.

Откуда он знает?

ГЛАВА 6

Женщина на фотографиях

Через несколько недель я купила два платья.

Без особого повода. После развода одежда на какое-то время стала для меня исключительно функциональной. Я по-прежнему хорошо одевалась, но почти перестала замечать, нравлюсь ли себе в зеркале, чувствую ли себя привлекательной.

С этими платьями всё было иначе.

Мне нравилось, как я в них выгляжу.

Дома я сделала несколько фотографий и выложила их в социальную сеть. Друзья отреагировали почти сразу, потом — люди, которых я едва знала. Compliments, сердечки, обычный безобидный шум, которым быстро обрастают фотографии в интернете.

Потом их увидел Александр.

Он написал без приветствия.

«Удали фотографии».

Я решила, что он шутит.

«Почему?»

Ответ пришёл не сразу.

«Ты читала, что тебе там пишут мужчины?»

Я снова открыла публикацию.

Ничего особенного. *«Красавица»*. *«Потрясающе»*. *«Шикарно выглядишь»*. Обычные комментарии, каких я видела сотни.

«Это просто комментарии, Александр».

«Мне не нравится, когда чужие мужчины так на тебя смотрят».

На этой фразе я задержалась.

Разумеется, он не имел права решать, какие фотографии мне публиковать. Это было настолько очевидно, что даже не требовало размышлений.

Но была и другая реакция, признаться в которой самой себе оказалось сложнее.

Его ревность мне льстила.

Я много лет принимала решения самостоятельно и не спрашивала разрешения. Даже в браке мне никогда не приходило в голову считать собственную независимость предметом переговоров. И всё же сейчас я читала собственническое сообщение от мужчины, которого ни разу не видела, злилась — и одновременно чувствовала удовольствие от того, что он так явно не хотел делить чужое внимание со мной.

Мне не особенно нравилось это открытие о самой себе.

«Ты преувеличиваешь», — написала я.

«Ты не понимаешь, как думают мужчины».

Я рассмеялась.

«А ты понимаешь?»

«Да».

Через несколько секунд пришло ещё одно сообщение.

«Если захочу, наверно, смогу найти каждого из них».

Улыбка исчезла.

Я вспомнила первый скриншот. Старый адрес. Цветы, доставленные к моей двери.

«Это не смешно».

«Я и не шучу».

Я отложила телефон.

Впервые его рассказы о работе в спецслужбе перестали казаться просто частью загадочного образа. До этого между нами были километры, экран телефона и моё убеждение, что в любой момент я могу прекратить разговор. Сейчас это расстояние впервые перестало ощущаться такой надёжной защитой.

Но спор на этом не закончился.

«Тебе слишком нравится внимание».

«Это нелепо».

«Тогда зачем выкладывать фотографии?»

«Потому что они мне нравятся».

Ответ пришёл сразу.

«И этого, по-твоему, достаточно?»

Вот тогда я по-настоящему разозлилась.

«Да. Вообще-то достаточно».

Он не ответил.

Я ждала.

Прошло десять минут, потом полчаса. К ночи Александр так и не появился.

Утром я проверила телефон ещё до того, как встала с кровати.

Ничего.

Я сказала себе, что рада. После того как он со мной разговаривал, у меня не было ни одной причины ждать его сообщения.

Через час проверила снова.

К тому времени я уже начинала понимать, что молчание Александра тоже может быть способом разговаривать со мной. Ему не нужно было писать, что он сердится. Его отсутствие говорило об этом достаточно ясно.

На второй день я злилась на нас обоих. На него — за то, что он вёл себя так, будто виновата я. На себя — потому что его исчезновение каким-то образом влияло на весь мой день.

Я снова открыла фотографии.

Теперь я смотрела на них иначе. Сами снимки не изменились, но я уже не могла видеть их отдельно от нашей ссоры.

Вечером я удалила публикацию.

И почти сразу пожалела.

Александр ведь не угрожал мне напрямую и ничего не запрещал. Формально решение приняла я сама.

Но я знала, зачем это сделала.

Мне хотелось, чтобы он снова написал.

Когда Александр наконец появился, он не извинился и не предложил поговорить о случившемся.

Пришло всего два слова:

«Так лучше».

Я смотрела на экран и ждала, что сейчас разозлюсь.

Но первым пришло облегчение.

И именно это беспокоило меня больше всего.

ГЛАВА 7

Его мир

После ссоры из-за фотографий Александр стал мягче.

Мы ни разу не обсудили случившееся. Он не извинился за требование удалить снимки, я не сказала, насколько сильно на меня повлияло его молчание. Тема просто исчезла.

Как исчезли из моих социальных сетей и фотографии такого рода.

Связь между этими двумя вещами я, конечно, замечала. Просто предпочитала не задумываться о ней слишком долго.

Примерно тогда же Лейла стала чаще приезжать ко мне. Иногда после работы оставалась на чай, иногда писала, что оказалась неподалёку, и заходила ненадолго. Наше общение постепенно переставало зависеть от Александра. Мы уже могли провести несколько часов вместе и почти не говорить о нём.

Однажды вечером у меня собрались друзья, и Лейла написала, что находится рядом.

Я пригласила её.

Она приехала с десертом и сразу вписалась в компанию. Скинула пальто, устроилась за столом рядом со всеми и через несколько минут уже смеялась над какой-то историей, начатой до её прихода.

Друзья знали об Александре достаточно, чтобы им было любопытно. И как только выяснилось, что Лейла знакома с ним лично, вопросы посыпались один за другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.